

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 821.511

Вэсако илевы

Жулева А.С.¹

Аннотация. Статья посвящена жизни и творчеству ненецкого поэта Леонида Лапцуя. Высветлены важные вехи. Проанализированы истоки, автобиографизм ряда поэтических произведений, написанных на ненецком языке и переведенных на русский. Уделено внимание раскрытию этноспецифики и диалога культур в процессе создания поэзии. Осуществлено описание ее тематического развития. Рассмотрен процесс художественного воплощения образов, особенности стихосложения.

Ключевые слова: ненецкий поэт, жизненный путь, стихи, поэмы, мифы, фольклор, образы, культура.

Vesako ilevy

Zhuleva A.S.¹

Abstract. The article is devoted to the life and work of the Nenets poet Leonid Laptui. Important milestones are highlighted. The sources and autobiography of a number of poetic works written in the Nenets language and translated into Russian are analyzed. Attention is paid to the disclosure of ethnospecificity and dialogue of cultures in the process of creating poetry. The description of its thematic development is carried out, the process of artistic embodiment of images, features of versification are considered.

Keywords: Nenets poet, life path, poems, poems, myths, folklore, images, culture.

¹Жулева Альбина Сергеевна. Кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. ул. Поварская, 25а, 121069, г. Москва, Российская Федерация.

Zhuleva Al'bina Sergeevna. Candidate of Science (Pedagogical), Senior Researcher of Institute of World Literature named after A.M. Gorky of the Russian Academy of Sciences. Povarskaia str., 25a, 121069, Moscow, Russian Federation.

E-mail: albina.zhulewa@yandex.ru

© А.С. Жулева

«Вэсако илевы» с ненецкого языка на русский можно перевести двояко: «Жил Вэсако» или «Жил старик». Именем Вэсако при рождении был назван ямальский поэт и прозаик Лапцуй.

Леонид Васильевич Лапцуй родился 28 февраля 1932 г. (в некоторых материалах указан 1929 год рождения) в семье потомственного оленевода в стойбище у озера Ямбо-то на полуострове Ямал. Родители дали ему имя Вэсако, означавшее «мудрый старец». Если исходить из одного из обычаев ненцев присваивать имя, связывая с обстоятельствами, которые сопровождали появление малыша (первым вошел в ярангу какой-либо человек или отец увидел первого человека, животное, растение), то можно предположить, что рождение поэта было отмечено визитом одного из мудрецов стойбища. Ненецкое имя Вэсако при поступлении мальчика в школу заменили русским именем Леонид, о чем он писал: «Русская учительница, видно, / Слишком взрослым имя то сочла, / И меня, Вэсаку, Леонидом / В честь родного сына назвала». Увлеченный романтическими идеями иной, более светлой и радостной жизни, поэт вовсе не осуждал потерю своего первого имени, отыскивая объяснение этой перемене.

Фамилия же Лапцую была присвоена по названию отцовского рода, издревле кочевавшего у озера Ямбо-то, в окрестностях нынешнего города нефтяников и газовиков Надыма. Еще в XVIII в. царские сборщики податей записывали название рода в качестве фамилии, а в 30-х годах XX века эти

фамилии были узаконены в паспортах и свидетельствах о рождении ненцев.

Происхождение названия рода Л. Лапцуй трактовал как «человек, продолжающий род», связывая со сказками, где сюжет разворачивается вокруг героя-мальчика, которого спасает женщина во время сражения. «Тебе надо выжить, видишь, злой враг всех твоих сородичей погубил. Тебе быть продолжателем рода, и ради тебя женщинам разжигать родовой огонь», — говорила обычно спасительница малолетнего наследника, пряча его в разгар боя в ямке, образовавшейся на снегу под железным листом, на котором разводили огонь. Улучив момент, она уносила малыша и скрывалась в каком-либо отдаленном опустевшем чуме или даже в логове зверя, растила героя-мстителя за пострадавший род. Эту версию происхождения названия рода и впоследствии фамилии Лапцуй изложила на основании легенды этнограф Л.В. Хомич (**примечание 1**)

Создавая «Цветную сказку северного края» — поэму «Тёр», Лапцуй в ее экспозиции трансформировал легенду о происхождении своего рода. Автобиографический нарратив, художественно освоенный жизненный материал, а также мифы, фольклор и эпос как инструменты конструирования идентичности активно присутствуют в поэзии Лапцуя, обретая особую значимость для воссоздания истории и культуры ненецкого народа.

Вэсако рано лишился отца — в 1942 году, в суровое военное время. Больная мать и маленькие братья остались на попечении десятилетнего мальчика. Вэсако ставил капканы на песца, ловил рыбу со взрослыми рыбаками. В 1943 году он поступил в Новопортовскую школу-интернат. После окончания «семилетки» он, движимый желанием помочь больной матери и страждущим ненцам, у которых в те годы была велика детская смертность, а человеческий век длился в среднем лишь сорок лет, поступил в 1959 году в Салехардское медицинское училище.

Годы в медучилище ознаменовались событием, которое оказало решающее влияние на приобщение Леонида (Вэсако) Лапцуя к литературному творчеству: коми-ненецкий писатель Иван. Истомин (**примечание 2**), редактировавший в те годы местную газету на ненецком языке, предложил юному студенту сотрудничать в «Красном Севере»: записывать и делать литературную обработку ненецких песен, сказок, легенд.

Работа в газете принесла как моральное удовлетворение, так и материальную поддержку, позволив более ошутимо помогать больной матери и маленьким братьям. Приходилось нелегко. «Свободного времени у меня почти не было: учился, сотрудничал в газете, занимался спортом, участвовал в лыжных соревнованиях», — писал он в автобиографии.

После окончания училища Лапцуй два года работал фельдшером, одновременно продолжая сотрудничество в газете. Как подающего надежды газетчика Лапцуя направили на учебу в Москву на отделение корреспондентов газет в ВКШ. После окончания Высшей комсомольской школы в 1956 году Лапцуй вернулся на Ямал, занимал руководящие должности. С 1970 года до конца дней был редактором окружной газеты на ненецком языке «Няръяна Нгэрм» (Красный Север).

В кабинете поэта в его доме в городе Салехарде, где с 1994 года открыт литературно-краеведческий музей, висит последний номер газеты «Няръяна Нгэрм» от 19 февраля 1982 года. Этот номер был подготовлен Лапцуем на три четверти. Четвертую часть занимают некролог и стихи на смерть поэта. Ненецкий поэт Геннадий Пуйко (**примечание 3**), потрясенный внезапной смертью друга, написал за одну ночь стихотворение «Енядат пуна» (После тебя). В нем скорбь и страдание: «Пурга неистовствует, ветер воет, ветер плачет, люди плачут три дня и три ночи». А также заверение в том, что память о Лапцеу не иссякнет благодаря стихам, и что молодые поэты возьмут эстафету развития национальной литературы в свои руки.

Следует отметить, что в создании музея-квартиры активно участвовала и поддерживала его работу в течение 20 лет вдова поэта Елена Сусой (**примечание 4**).

При жизни Лапцуя издано на русском и ненецком языках более двадцати сборников стихов и поэм. Первые стихи и рассказы Л. Лапцуя появились на страницах газеты «Няръяна Нгэрм» (Красный Север) в 1951 году. Позже он печатался в журналах «Дружба народов», «Урал», «Сибирские огни», в коллективных сборниках «Земляки», «Небо у ног», «Север поет», «От Москвы до тайги одна кочевка» и др. Первая поэтическая книжка на ненецком языке «Мань Ямалми, вадед» (Цвети, мой Ямал) вышла в 1960 году.

В 1964 г. Л. Лапцуй был принят в Союз писателей. К тому времени, кроме газетных, журнальных публикаций и книги

«Мань Ямалми, вадед» (Цвети, мой Ямал) в Тюмени вышли из печати сборник рассказов «Ямал, нямна ваде, мы» (Рассказы о Ямале, 1962) и сборник рассказов на русском языке «Камень с надписью» (1963).

Свою первую поэтическую книгу на русском языке (переводчик Л. Шкавро) молодой автор открывает стихотворением «Моя любовь» – признанием в беспокойной, деятельной любви к тундровым просторам, зовущим к поездкам на оленях сквозь пургу, к тундре, которая с детства научила выносливости, умению «брать любые старты». «Заряжаясь радужным дыханием», герой в поисках новых достижений и побед, вновь и вновь отправляется в дальний путь. Жизненная активность героя — это и жизненная позиция автора. Молодой азарт странствий, радость деловых поездок по Ямалу сопутствовали поэту все годы его жизни. «Я всегда в пути» — так названо стихотворение, в котором он сравнивает активность лирического героя, в котором высвечены собственные жизненные реалии, с птицей, пребывающей в постоянном полете. Цель же поездок — освоение мира, обретение знаний «что-то открываю, что-то узнаю». Он постоянно путешествовал не только по Ямалу, но и по всему северному краю, по всей стране.

Л. Лапцуй стремился охватить взглядом многие темы, вобрать в орбиту своей поэзии как можно больше событий, мест, героев. Ему удалось создать широкое полотно жизни на Ямале, представляющее исторический интерес. Создано оно поэтом-реалистом, согрето живым чувством человека, горячо сопричастного описываемым событиям. Эпичность, образность, символика, притчевость — атрибуты поэзии Лапцуя.

Откликаясь на актуальные проблемы в жизни ненцев, осмысливая их, поэт стремился привлечь к ним внимание окружающих: «Строка моя — / счастливая зарница,/ я от тебя хочу лишь одного:/ в сердцах людей/ светиться / волнениями сердца моего» («Моя строка», перевод Л. Шкавро). Это откровенное желание побуждать к действию человеческие сердца в ранней поэзии зачастую приводило к риторизму и дидактике.

В конце творческого пути поэт почти избавился от морализирования, его лирика стала более элегичной.

Рожденный на холодном берегу
И холодом испытанный студеным,

Теперь-то я умею и могу
Сердца людей
Согреть певучим словом.

(«Где ты рожден?», перевод В. Крещика)

Обрести широкого читателя Лапцую помогли поэты-переводчики с ненецкого на русский: Л. Шкавро, один из самых первых переводчиков, Н. Грудинина, которая переводила его стихи в течение двадцати лет, М. Яснов, А. Каныкин, И. Фоянков и др.

О влиянии русской поэзии на творчество свидетельствует и тематическая переключка и откровенные признания. Кумиром для себя он избрал А. Пушкина. Мастерски используя металогию, Лапцуй представил свои поэтические стремления и высоты, к которым устремлялся:

И подумал я, счастливый,
Что березовый хорей мой –
Младший брат тому хорею,
Что у Пушкина в стихах.
(перевод Н. Грудининой)

В духе своего времени, будучи заложником идеологических установок, Лапцуй зачастую выступал с позиций атеиста и мотивировал поведение героев с точки зрения «разумности-неразумности», но мифопоэтическое сознание ненецкого творца, его вера в шаманизм, мистические силы проявлялись то завуалированно, то откровенно. Сюжет поэмы-сказки «Тёр», например, построен на основе метафизических знаний об обретении шаманской силы и использовании ее в жизненно важных для героя и всего народа, судьбоносных обстоятельствах.

Отношение Лапцуй к мистике подобно властителю его дум Пушкину, который верил «и снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям луны», было неодолимо притягательным, волнующим, завораживающим. В беседах он порой признавался в своих таинственных провидениях, в присущих ему «шаманских силах». Это созвучно размышлениям Гёте: «...Мы блуждаем в таинственной тьме. Нам неведомо, какие силы шевелятся в окружающей нас атмосфере, и в какой степени они связаны с нашим духом, известно одно: есть такие состояния, когда щупальца нашей души протягиваются за ее телесные границы и дарят ее не только предчувствием ближайшего будущего, но и подлинным ее предвидением» [8]. Возможно, именно

предчувствие близкой смерти подтолкнуло к написанию краткой автобиографии, в которой он как бы подводил итог своей жизни. Тема смерти часто присутствовала в его философских беседах с друзьями, звучит и в стихах как размышления лирического героя о бренности жизни. Так, в одном из последних стихотворений «По следу» (перевод Е. Пудовкиной), написанных от первого лица, читаем: «Между жизнью лечу и смертью / Жизнь и смерть мелькают, как веши,».

Короткая жизнь поэта оборвалась внезапно, не позволив написать Главную книгу. Об этой книге он не раз говорил и Е. Сусой, и собратьям по перу — Р. Ругину (**примечание 5**), Г. Пуйко. В музее-квартире поэта хранится составленный им план предполагаемых поездок по Ямалу для сбора материала будущей книги. Начальные пункты маршрута — озеро Ямбо-то, Новый Порт — места, где прошло детство поэта.

Леонид Лапцуй, вероятно, вспоминая своего первого наставника Ивана Истомина, поддерживал творческую молодежь, с 1973 по 1981 год руководил группой начинающих литераторов Ямала.

Живительным источником для Вэсако (Леонида) всю жизнь были личные песни, песни-импровизации, а также ярабц и сюдбабц — бытовые и героические песни. Их он не только собирал, но и обрабатывал, печатал в газете «Няръяна Нгэрм», в сборниках фольклора. Они формировали его близкую народную поэзию ..

Стихи Лапцуя отличаются музыкальностью. Их ритмическое строение в соединении с особой фонетической фактурой и естественной выразительной интонацией определяет плавное гармоническое звучание. По окружному радио, в клубах, в школах часто звучали при жизни его и звучат порой ныне песни на слова поэта-фольклориста. Первая песня на стихи Л. Лапцуя «Еду за любимой» появилась в 1962 году в сборнике «Северные россыпи» (напев (музыка) Е. Сусой, нотная запись сделана П. Кравцовым). Песня «Еду за любимой» на ненецком языке часто исполнялась фольклорным ансамблем «Сэрасэв».

Большинство песен на стихи Лапцуя написаны ненецким композитором Семеном Няруем (**примечание 6**). Давняя творческая дружба связывала поэта и композитора. Л. Лапцуй будучи старше Няруя на 14 лет, давал наставления музыканту, порой сомневавшемуся в правильности избранного им пути

популяризации и развития народного музыкального искусства, поддерживал в нем уверенность в творческих силах и способствовал расширению тематики его песен и танцев. В творческом содружестве поэта и музыканта были созданы песни «О матери», «Салехард», «Орленок» и др. О дружеской поддержке Лапцум своего друга композитора свидетельствует и очерк «Пензер [6] звучит над тундрой», написанный им и опубликованный сначала в местной прессе, а позднее — в сборнике «Сияние Севера» [5]. В очерке раскрыты особое восприятие поэтом окружающей природы, душевная близость с ней. Его стихи, положенные на музыку — отзвук многокрасочной, стремительной жизни тайги и тундры. В весенних звуках говорливого ветра и пенистых волн многоводной Оби он слышал песни, трогательные наполненные пульсирующей мыслью. «Тише, прислушайтесь, о чем эта песня... Может быть, река поет о радости встречи, о любви и поцелуях, а может, о том, как зализывают свои раны звери или как плещутся в воде выводки утят... Вы слышите, ведь это звучат мелодии песен моей родины, мелодии, которые Обь на всем протяжении собирает, как россыпи драгоценного жемчуга. В низовьях реки эти мелодии сливаются в одну широкую и раздольную песню. И летит эта песня крылатым лебедем над стылой тундрой и глухой тайгой».

Творческий подход Лапцум к народной песне обогатил как содержание, так и форму его поэтических произведений. Он не только привнес в его поэзию национальный колорит, но и способствовал сохранению устно-поэтической образной системы.

Создать поэтические картины жизни ненцев в многовековой ретроспективе, раскрыть перед читателем их мировидение при отсутствии письменных источников поэту было непросто. Историческая судьба народа глубоко волновала его, он предпринимал поиски корней, значимых событий в мифах, сказках, эпосе. Так, Лапцум как собирателю фольклора были известны созданные ненцами легенды, песни и сказки о Вавлѐ — защитнике народа. В них он чаще всего представлен богатырем, обладающим необыкновенной силой: который легко разрывал крепко сплетенный аркан для ловли оленей, побеждал в борьбе до десяти взрослых и крепких мужчин. Обладал и волшебной силой — мог превратиться в комара [3, 4, 8].

Об этом народном герое Лапцуй написал немало поэтических строк. В них он становится на сторону борца за справедливость, объясняет объективные причины его популярности у ненцев. «А кто людей гнетёт, / заслуживает тот / аркана и стрелы», — писал он в стихотворении «Мыс Вавлë» (перевод В. Гордиенко). Поэта привлекало бескорыстие народного героя, который никогда не брал себе оленей из угнанных стад: «Народу навсегда / Хотел отдать стада / И в справедливом зле / Карал хозяев стада». В стихах Вавлë предстает героем, имя которого увековечено не только в фольклоре, но и в географических названиях.

Всматриваясь в прошлое, Лапцуй обращался к суровым испытаниям в годы Великой Отечественной войны 1941–45 гг. Он испытал на себе тяготы трудной военной поры в тылу, когда десятилетним мальчиком трудился во взрослой бригаде рыбаков, заменяя больную мать. В стихотворении «Память» (перевод А. Каныкина), написанном от лица мальчика — бойца трудового фронта, — картина самоотверженной помощи ненцев боевому фронту. Сутками напролет тяжелой пешней долбит «железный» двухметровый лед, изнемогая от усталости, голода и бессонницы десятилетний мальчишка, стараясь не отстать от взрослых, видит невыдержавших тяжелой нагрузки, которые «обледенев к утру», не могли проснуться.

Тема военного детства, основанная на собственном жизненном опыте, многократно в разных вариантах повторялась в творчестве Лапцуя.

Проникнуты гордостью поэтические строки Л. Лапцуя о сражавшихся на фронтах земляках, которые были меткими стрелками, умелыми проводниками на северном фронте.

Отдавая дань памяти погибшим ямальцам, лирический герой стихотворения «Слушаю тебя, Земля!» (перевод М. Яснова) привез на Мамаев курган родную землю — «комочек ямальской скупой мерзлоты»: «И, встав на колени, подняться не смея, / Шепчу на ненецком своем языке я: / «От Карского моря, от тундры родной / Примите поклон — материнский, земной». Одухотворяя и стихии, и природу, герой передает поклон и «от вьюжной метели, под ветром летящей», и «от каждой травинки, растущей весной».

Поэтическое путешествие «по следу времени» возвеличивает мужество и стойкость ямальцев, их находчивость и терпение, способность на беззаветный труд и ратный подвиг.

Значительное место в творчестве Лапцуй занимает тема промышленного освоения Ямала. В стихах и поэмах он изобразил тернистый путь преобразователей Севера, от первого десанта геологов, которые «стали к земным подбираться кладам», до строительства городов. Подобно Тыко Вылко, который сопровождал исследователей Новой Земли, участвовал в экспедиции Русанова, пятнадцатилетний Вэсако (Леонид) Лапцуй летом 1947 года сопровождал сейсмическую партию. Он прошел с геологами восемьсот километров, провел отряд до Мыса Каменного. Это была школа испытания на выносливость и выдержку, которая не только осталась в памяти, но и способствовала творческому вдохновению: «Товарищи по первому отряду, / С которыми по трассе я плечом / К плечу сражался с тундрюю когда-то, / Навек остались в сердце вы моем» («Трасса», перевод А. Каныкина). Геологи поражали подростка своими знаниями, выносливостью и верой в открытие подземных кладовых природного топлива, которое изменит жизнь холодного и сурового края.

Лапцуй написал поэму «Сполохи Севера» (перевод А. Каныкина), прообразом одного из главных героев в которой стал геолог, лауреат Государственной премии В. Подшибякин. Это взволнованный рассказ о психологической перестройке ненцев в связи с промышленным освоением края, о беспокойной судьбе молодежи, о дружбе и взаимовыручке людей в суровых условиях, о самоотверженном труде геологов.

Поэма начинается с пролога — описания тягостного раздумья, в которое впало откочевавшее вглубь тундры коренное население, испугавшись геологов со своими буровыми, нарушивших тишину тундры и вековые обычаи. «Где видано, / чтоб ненец тундру / железом острым ковырял?»

Сюжет поэмы развивается вокруг истории одной семьи, жизнь которой резко изменилась из-за встречи с геологом. Мудрый оленевод Вэрья, умеющий читать «все мысли северной природы», готовит своего сына Папалю в потомственные оленеводы: учит языку тундры, закаляет характер, чтобы он стал «глазами и чутким сердцем старика». «Какой же ненец ты, / коль не познаешь крик звериный, / не сможешь прочесть следы? — напоминает постоянно отец своему наследнику.

Но ритмы нового времени внесли кардинальные изменения в судьбу сына. Однажды Вэрья с сыном в пургу спасли геолога. Они подружились с Волжиным, оказавшимся

начальником геологической партии. По его совету увлеченный рассказами о романтике профессии искателя Папаля, несмотря на возражения отца, поехал учиться в институт. Когда молодой специалист вернулся к «отческой земле», Волжин доверил ему отряд геологов. Папаля с рвением принялся измерять просторы тундры буровыми вышками.

Для Вэрьи дело сына кажется кощунственным, нарушающим традиции, поскольку никогда не было, «чтобы сын оленевода / Тревожил сон земных богов». Он посоветовался с другими старцами, и те включились в борьбу с нарушителем законов тундры. Отныне «ловкие, как лисы, старцы открыли охоту на Папалю, придумав для него жестокое наказание: раздеть, связать, и поставить под ветрами тундры, чтобы снять грех с него и избавиться самим от возможного наказания за его неподобающее обращение с тундрой. Но Папаля был смел и удачлив, жил верой в в «грядущий светлый день Ямала», надеялся развеять злобу старцев открытиями. И действительно, костер дружбы у открытого им газового месторождения, когда «огонь светящуюся птицей взмыл, осветив снега и льды», рассказы геологов о иной жизни заронили сомнения в душах старцев-оленеводов. И Вэрья «с нелегкою душой / навек простившись с жизнью прошлой, / поехал к сыну — к буровой».

Поэма Лапцукя «Победившие смерть» посвящена ямальским геологам, сражавшимся со стихией в Карском море. В основу произведения, как отмечает автор в эпилоге, положен «истинный случай». Развернутой экспозицией, рассуждениями о жизни и смерти, рассказами о причудах сурового Карского моря, автор подготавливает завязку напряженного сюжета — выход трех молодых геологов в море. Предваряя встречу их со стихией, поэт обращает внимание читателей на то, что героям, осваивающим Север, не известны проверенные веками наблюдения ненцев.

У Карского моря с полярною сушей — вражда.
Умаявшись за ночь, вздремнет на
рассвете вода,
Худого не будет, коль дашь ей покрепче уснуть,
Но горе тебе, если в утренний пустишься путь.
Встревожишь стихию, и, сызнава
ринувшись в бой.
За то, что земной ты, — расправится
море с тобой.

Лишь черная туча, тяжелая, словно скала,
Придавит то место, где лодка была да сплыла,
У чайки отчаянный вырвется крик из груди...
Послушайся ненцев, и в море с утра не ходи!

Незнание многовековых наблюдений ненцев над изменениями в природе привело геологов в «лапы» разбушевавшейся вновь стихии после утреннего «затишья». Борьба со стихией высветила характеры героев. Поэт убедительно и ярко нарисовал людей, поведение которых не совпадало с убеждениями и поведением ненцев. Не свойственно ненцам, например, малодушие, желание самому покончить с собой, как это хотел сделать поисковик Георгий, вытащив пистолет. «Нет, проклятая стихия, не возьмешь меня живьем!» — кричит он. Для ненцев такой разговор со стихией невозможен. Удивляет и восхищает поэта выдержка, взаимовыручка, стойкость и находчивость поисковиков.

К теме промышленного освоения Ямала, роли ненцев в изыскательском деле Лапцуй обращался многократно, развивая их, отражая постепенно меняющиеся настроения и взгляды коренных жителей. В поэме «Под звездами Ямала» (перевод Л. Сорокина) ненецкий геолог, командир отряда Тусида уже не сталкивается с недоброжелательным отношением пожилых людей к изыскательской работе, внимательно прислушивается к их советам и старинным преданиям.

Поэта глубоко волновали проблемы столкновения разных культур, сохранения былого, накопленного ненцами жизненного опыта в изменившихся жизненных условиях. Тусида, имя которого означает «человек без огня», ищет «огонь» — газовое месторождение. Он повел отряд к сопкам, где от молний зажигалась земля «И черный дым вставал столбом / и небеса коптил годами». Когда-то здесь оленеводы перед кочевкой на дальние расстояния приносили жертвы огню, поскольку считали его священным. Препятствия на пути отряда — своеобразное сопротивление вмешательству в жизнь природы. Одолеть их помогают лишь знания и опыт Тусиды как коренного жителя. Когда поисковиков «в капкан снегов поймал разбушевавшийся Ямал» — вездеход заглох, мороз и ветер усиливались, запасов еды не оказалось, а жилье было далеко — Тусида как умелый коренной житель тундры не позволяет геологам надолго останавливаться, ведет их несколько дней подряд. Он оттаивает

в руках куски оленьего моха — ягеля, жует его и предлагает это делать молодым приезжим геологам, «чтобы заглушить на время голод». Когда же пурга окрепла, набрала мощь, а искатели выбились из сил, Тусида предложил построить «куропачий чум» — рыть в сугробе укрытие. Отыскать вертолетчикам занесенный снегом отряд помогла собака Хорти, которую Тусида когда-то нашел полуживой и отогрел на груди. Она бегала вокруг вертолета, когда его готовили к полету, и как только он поднялся, побежала из поселка в тундру. Вертолет полетел по ее следу. И Хорти отыскала своего хозяина: «И вдруг — застыла на бегу, / И вдруг — рванулась к косогору, / И роет лапами в снегу, / И заползает с визгом в нору. / Рывком — к хозяину на грудь, / Чтобы лицо его лизнуть!» Такая тесная, тепленическая связь животного и человека, способствующая спасению, — не нова для ненца.

Тусида открыл газовое месторождение, установил буровую вышку и зажег «великаний костер», вокруг которого люди радовались тому, что «человек без огня» дал начало огненному роду, «и будут внуки вместе с ним гордиться именем своим». Безымянный мыс, на котором находилось месторождение, Тусида назвал Огненным.

Вслед за геологами на Ямал, в Тюменское Заполярье приехали строители, и те, кому предстояло осваивать открытые подземные богатства. Лапцуй внимательно отслеживал все исторические события, происходившие в жизни ненцев, а героев реальной жизни превращал в прототипы действующих лиц своих произведений. В центре поэмы «Пути-дороги» (перевод М. Яснова) — участники строительства города газовщиков Надыма. Сибиряк Леонид Смышляев и ямальский пастух Василий Ламдо встретились на грандиозной стройке, отличились успехами в труде, о них писала местная пресса. В поэме Лапцуй образно представил, как зарождалась крепкая мужская деловая дружба между русским героем-строителем Смышляевым и никогда не бывавшим до этого на большой стройке Ламдо, как Леонид учил юношу нетрадиционной профессии электросварщика. Способный и старательный ученик не подвел терпеливого наставника — заслужил звание — «мастер-золотые руки». Судьба ненецкой молодежи в новых жизненных условиях тревожила Лапцуя, и он предъяснял в своей поэзии образцы, как вписаться в новую жизнь, не растеряться и не потеряться в ней.

Волновало поэта и сохранение природы Севера, которую он своим мифологическим сознанием одухотворял. В стихотворении «Дыхание земли» (перевод А. Канькина) — размышления о потревоженной природе, невольно загубленной ради чего-то нового в жизни людей. В Пуровской тайге, в диких и угрюмых местах, «где не пел костер в холодной мгле ночей» и не звучал человеческий голос, пробурили геологи вечную мерзлоту, и «продремавший долгий век под Пяковской землею» газ вырвался «лавиной огневой». Выпущенный на свободу огонь стал бедствием для вековых деревьев:

Потрясенный увиденной картиной страданий многовековых кедров, автор вместе с лирическим героем пытается философствовать о цикличности жизни, найти компромисс и оправдать необходимость нарушений гармонии человека и природы: «Что делать, если у детей земли / Всегда сопряжено рождение с болью».

Лапцуй в своих стихах и поэмах пытался наглядно убедить покорителей Севера быть чуткими и заботливыми к окружающей природе. В стихотворении «Ночной гость» (перевод Н. Грудиной) потревоженный шумом медведь вылез из берлоги и приблизился к костру полюбопытствовать. Один из нефтяников в охотничьем азарте схватился за двустволку. Медведь же вырвал ружье, разломил пополам и спокойно ушел от костра, как бы приговаривая: «Не яритесь, мол, люди, зря!».

Две резко контрастные картины нарисовал Лапцуй в стихотворении «Харасавэйко» (перевод Я. Козловского). Сначала перед читателем — красивая и чистая, богатая рыбой речка Харасавэйко. Радующая и притягивающая к себе. Затем — та же речка, но двадцать лет спустя: обезображенная мазутом, мрачная, приводящая в уныние и отпугивающая. Поэт — гражданин обращается к начальству Тюмени со словами осуждения, настойчиво советует позаботиться о сохранении природы.

Стихи Лапцуя о промышленном освоении Ямала позволяют наглядно представить жизнь полуострова в 60–70-е годы XX века, уяснить проблемы, которые волновали его и современников.

Естественно, что в поэзии Лапцуя занимают основное место образы людей, издревле занимавшихся традиционным трудом. Оленеводы, охотники, рыбаки представлены поэтом

многокрасочно, как говорят, «со знанием дела», с опорой на жизненный опыт.

Представленный в произведениях поэзии Леонида (Вэсако) Лапцуй автобиографизм позволяет не только раскрыть этнопоэтику лиро-эпических произведений поэта, приобщиться к его жизни и творчеству, но и постичь национальную самобытность картины мира ненецкого народа.

Примечания

1. Хомич Л.В. в 1966 г записала в поселке Ныда легенду: «Было большое стойбище. Пришли войска врагов и всех перебили. Остались лишь сестра с маленьким братом. Сестра спрятала брата в чуме в оттаявшее место под костром и прикрыла железным листом (толью)». Она предполагает, что именно отсюда и возникло название рода Лапцуй (Лабсуй, Лапсуй), означающее буквально «плоский, прихлопнутый». Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1975.

2: Иван Григорьевич Истомин (1917-1988) автор более двадцати книг, содержащих повести, рассказы, стихи, пьесы, очерки, сказки, романы на ненецком, коми и русском языках.

3. Геннадий Алексеевич Пуйко (1935-2015) – ненецкий поэт и прозаик. Его первый поэтический сборник о «Нюдяхогда нядангода» («Маленький помощник») вышел в Екатеринбургe в 1966 году на русском и ненецком языках.

4. Елена Григорьевна Сусой (1933-2015), кандидат педагогических наук, автор работ о ненецкой народной педагогике, создатель учебных книг.

5. Роман Прокопьевич Ругнн (1939-2016) - хантыйский поэт, прозаик, журналист. Родился и жил в Ямало-Ненецком АО.

6. Семен Николаевич Няруй (1946-2018) – первый профессиональный ненецкий композитор, собиратель фольклора, исследователь народных ненецких напевов. Родился и жил на Ямале.

Список литературы и источников

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Составитель С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979.

2. Житков Б.М. Полуостров Ямал. Санкт-Петербург, 1913.
3. Жулева А.С. Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2019.
4. Жулева А.С. Три мира народов Севера. Литературные образы. М.: Филинь, 2020.
5. Лапцуй Л. Пензер звучит над тундрой // Сияние Севера. М., 1987.
6. Огрызко В.В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Биобиблиографический справочник. Часть 1. М.: Концерн «Литературная Россия», 1998.
7. Пошатаева А.В. Литературы народов Севера (Истоки. Становление. Развитие). М.: Наука, 1988.
8. Терещенко Н.М. Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Л., 1990.
9. Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1981.

References

1. Bakhtin M.M. Avtor i geroi v esteticheskoi deiatel'nosti [Author and hero in aesthetic activity]. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Compiled by S.G. Bocharov. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979.
2. Zhitkov B.M. *Poluostrov lamal* [Yamal Peninsula]. St. Petersburg, 1913.
3. Zhuleva A.S. *Mifopoeticheskaia model' mira v nenetskoj literature* [Mythopoetic model of the world in Nenets literature]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2019.
4. Zhuleva A.S. *Tri mira narodov Severa. Literaturnye obrazy* [Three worlds of the peoples of the North. Literary images]. Moscow: Filin Publ., 2020.
5. Lapsui L. Penzer zvuchit nad tundroi [Penzer sounds over the tundra]. *Siianie Severa* [Radiance of the North]. Moscow, 1987.
6. Ogryzko V.V. *Pisateli i literatory malochislennykh narodov Severa i Dal'nego Vostoka. Biobibliograficheskii spravochnik* [Writers and literary people of the indigenous peoples of the North and the Far East. Biobibliographic reference book.]. Part 1. Moscow: Kontsern «Literaturnaia Rossiia» Publ., 1998.
7. Poshataeva A.V. *Literaturnye obrazy narodov Severa (Istoki. Stanovlenie. Razvitiie)* [Literature of the peoples of the North (Origins. Formation. Development)]. Moscow: Nauka Publ., 1988.

8. Tereshchenko N.M. *Nenetskii epos. Materialy i issledovaniia po samiiskim iazykam* [Nenets epic. Materials and research on the Samoyedic languages]. Leningrad, 1990.

9. Ekkerman I.P. *Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni* [Conversations with Goethe in the last years of his life]. Moscow, 1981.